

УДК 82

Е. В. Сони́на

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ Е. ГРИШКОВЦА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
«РУБАШКА» И «ПОЧТИ РУКОПИСНАЯ ЖИЗНЬ»)**

Статья посвящена анализу основных положений человеческого бытия в художественном мировоззрении современного писателя Е. В. Гришковца. Особое внимание уделяется вопросам представления категории повседневности в ее экзистенциальном осмыслении в жанрах художественной и документальной прозы автора. Художественная модель реальности Е. В. Гришковца находит выражение в описании обыденных жизненных ситуаций частного человека, не претендующего на исключительность. Герой и его бытие рассматриваются через последовательное осознание и преодоление обыденности в рамках философии экзистенциализма. Автор формирует художественное представление бытия в произведении на основе описания деталей, знакомых в жизни каждому: персонажи произведения собирают в себе основ-

ные черты типичного зрителя и читателя писателя. В статье рассматриваются особенности проявления категории «повседневность» в различных вариантах окружающей героя среды: и типичное пространство города, и уникальные условия жизни в арктической экспедиции. Для анализа выбраны прозаические тексты писателя, выражающие творческие особенности Е. В. Гришковца как прозаика, а также отличающиеся высоким уровнем автобиографичности и писательской саморефлексии. Это позволяет в полной мере выявить авторское видение категории «повседневность» и проследить связь его творчества с философией экзистенциального мировоззрения.

Ключевые слова: экзистенция, экзистенциальная категория, повседневность, быт, обыденное, человек, Гришковец.

E. V. Sonina

**EVERYDAY LIFE AS AN EXISTENTIAL CATEGORY IN THE WORK
OF E. GRISHKOVETS (BASED ON «SHIRT»
AND «ALMOST HANDWRITTEN LIFE»)**

The article is devoted to the analysis of the main provisions of human being in the artistic worldview of the modern writer E. V. Grishkovets. Particular attention is paid to the representation of the category of everyday life in its existential comprehension in the genres of the artistic and documentary prose of the author. Artistic model of reality of E. V. Grishkovets finds an expression in the description of everyday life situations of a person who does not pretend to be exclusive or unique. The character and his existence are examined through consistent awareness and overcoming of ordinary life within the framework of existentialism philosophy. The author forms an artistic representation of being in the work on the basis of the description of details familiar to everyone in life: the characters of the work collect

the main features of a typical viewer and a reader. The article examines the features of the manifestation of the category «everyday life» in various environmental options: the typical space of the city, and the unique living conditions in the Arctic expedition. The analysis is based on prosaic texts of the writer, expressing the creative features of E. V. Grishkovets as a prose writer, as well as a high level of autobiographic and literary self-reflection. This allows us to fully reveal the author's vision of the category «everyday life» and trace the connection of his work with the philosophy of existential worldview.

Key words: existential, existential category, everyday life, routine, everyday, person, Grishkovets.

В настоящее время в трудах ученых-гуманитариев серьезное внимание все больше уделяется исследованию понятий «повседневное» и «обыденное». Особый интерес они вы-

зывают к себе в рамках литературоведческих интерпретаций текстов современных авторов. Во многом это объясняется тем, что, с одной стороны, художественные тексты единовре-

менно формируются читательским интересом, который часто «ищет» в литературе нетривиальное, героическое или особенное в проявлениях жизни и поступках действующих персонажей, и особенностей мировидения автора, влияющих на создание его произведений и определяющих формат отображения действительности в творчестве. При широко распространенном в обществе представлении «повседневного» в жизни человека как скучного, банального и рутинного внимание к описанию обыденной реальности в литературе в малой степени соединяется с ориентированностью на запрос читателя. С другой стороны, начиная с оформления реализма в эстетическое направление литературы и до рубежа XX–XXI в., быт и особенности повседневной жизни героев изучаются и описываются в литературоведческой интерпретации, так как позволяют раскрыть полную картину замысла писателя, пристально рассмотреть характеры персонажей и приблизиться к верному пониманию типа художественного сознания автора, в рамках которого он осознает и творчески осмысляет свою эпоху.

Категория «повседневность» как объект научного исследования описывается в трудах ученых различных сфер гуманитарных наук. В работах начала XX в. в парадигме Школы «Анналов» формируется методологическая база рассмотрения бытового окружения частного человека, в том числе ментальных особенностей самого исследователя (М. Блок [1] и др.). Значительный вклад в изучении данного вопроса внесли ученые в области феноменологии (Э. Гуссерль [6] и др.), которые сформировали общенаучный подход в изучении категории «повседневности» как «сфере человеческой обыденности». Изучением и описанием природы быта занимались представители герменевтики и экзистенциализма (М. Хайдеггер [16] и др.). Исследовательские труды И. Г. Касавина [8], В.П. Козырькова [9], В. Д. Лелеко [11] и др. оказали большое влияние на формирование концептуального подхода к изучению вопроса, предмета и основных методов изучения повседневности. Глубокое изучение данной категории в литературоведении провел Ю. М. Лотман [12], труды ученого сохраняют свою актуальность и для современных исследований особенностей быта XVIII–XIX в., влияния среды на творчество писателей и отражение повседневности в литературном произведении. В настоящее время ученые рассматривают повседневность как некую культуру, обладающую своими специфическими осо-

бенностями (Б. В. Марков [13], А. И. Куляпин [10], И. Б. Орлов [14], и др.).

Повседневность и быт стали центральной темой всего творчества Евгения Гришковца, красной линией проходя через прозаические и драматические тексты писателя. Внимание читателей и критиков привлекает именно глубокое и точное описание современной действительности в самых простых и обывательских проявлениях, восхищает умение автора сделать героем произведения обычного человека с его частной жизнью, в которой не происходит ничего исключительного. Действующие персонажи произведений Е. Гришковца – «как правило, благополучны: это городской житель, у которого есть работа, есть семья, есть квартира, и внешне он вполне благополучен» [7]. Из многих жителей города писатель создает своего героя, который в воображении читателя может быть легко «встроен» в настоящую реальность, и делает его персонажем произведения только то, что жизнь и поступки этого героя осмысляются и описываются автором: «Обыденная жизнь не существует сама по себе, а возникает в результате процессов «оповседневнивания», которым противостоят процессы «преодолевания повседневности» [2, с. 7]. При этом, не смотря на то, что произведения Е. Гришковца относят к литературному мейнстриму и они доступны широкому кругу читателей, в его творчестве прослеживается глубокая традиция экзистенциальной философии, которая отчетливо заметна в его авторской концепции человека, переходящей из текста в текст. Как отмечает Б. В. Марков: «Философы-экзистенциалисты недооценивали цивилизационное значение культурных форм повседневности и считали их репрессивными, подавляющими индивидуальную свободу структурами власти» [13, с. 38]. В XX в. оформляется понимание человека как самостоятельного творца и основного мерила, но процесс творчества остается выше самого автора, требует от него смирения и признания «ценности природы, других людей и уже имеющихся культурных традиций» [13, с. 39]. Авторское видение человека и его экзистенциальных поисков через изображение повседневности Е. Гришковца становится особенно актуальным и близким мысли одного из самых ярких представителей философии экзистенциализма М. Хайдеггера: «Повседневность означает то как, мерой которого присутствие «живет настоящим днем» [16, с. 415]. Описывая обыденное в жизни героя, Е. Гришковец отражает человека в его способе быть и его экзистенциальное осознание своего существования в мире.

Основа большинства прозаических произведений писателей строится на детальном описании повседневности героя и его чувств и мыслей. Ярким примером внимания к обыденному в творчестве автора является роман «Рубашка», который наполнен ощущением быта столичной жизни. При этом многие элементы повседневности жителя Москвы, на которые Е. Гришковец обращает внимание читателя, соотносятся с обыденными особенностями и других крупных городов или вообще любого другого города. Е. Гришковец уделяет большое внимание описанию бытовых мелочей и деталей повседневного окружения своих героев: из этого он формирует художественную реальность и максимально дает читателю ощутить повседневное присутствие в каждом шаге и событии. Детали подробно и внимательно отмечаются в повествовании: «Было рано, и была зима. Вообще-то было еще совсем темно, но в окна падал обычный городской синеватый утренний свет – смесь света белых уличных фонарей и уже зажженных желтых окон дома напротив и... моего дома. Почему-то эта смесь всегда синеватая; вечером она приятная, а утром... невыносимая» [5, с. 3]; «Снега было много. Не свежего, а такого раскисшего, грязного снега... Я медленно двигался по окружной дороге. Впереди то гасли, то зажигались красные огоньки: я тоже давил на тормоз. Постоянно казалось, что в полосе слева движение гораздо быстрее» [5, с. 7]. Каждый день герой в своем сознании фиксирует происходящие события, которые возвращают его к привычным заботам и задачам. Также и любой горожанин ежедневно просыпается на работу, стоит в пробках, сталкивается с плохой погодой, однако по привычке не выделяет ничего из своего быта каждого дня. Научившись «преодолевать повседневность» вместе с автором, становится возможным осознать все, что происходит вокруг, и почувствовать своё присутствие в настоящем дне и значимость деталей обыденного. Под взглядом писателя особенным становится именно то, что происходит или легко может произойти в повседневности каждого: «Это было совсем маленькое и невыразительное кафе на шесть столиков. Серый пол, бежевые стены, барная стойка, круглые столики, фотографии старых паровозов и аэропланов по стенам... Ничего хорошего или особенного... Но мы встречались здесь.. и это место уже было важнее и ценнее для меня, чем модные и продуманные заведения» [5, с. 140]. Модель реальности, которую утверждает писатель, формируется из мелочей повседневного –

именно в них заключается вся жизнь, как героя литературного произведения, так и любого читателя.

Повседневность оказывает большое влияние на мысли и поступки человека, и автор уделяет этому значительное внимание. Самые обыденные события могут вызвать неожиданный эмоциональный отклик или размышления, связанные с осмыслением своего бытия. Например, в романе «Рубашка» во время поездки в такси герой задумывается о водителе и степени его полного согласия с течением своей жизни, если при очевидных трудностях этой профессии «он ездит, он продолжает...» [5, с. 47]. Весь разговор в такси в итоге приводит главного героя к мыслям о том, можно ли искренность и сочувствие другого человека оценить деньгами. Но вместе с поездкой заканчивается и «преодоление повседневности», из размышлений, которые «поднимают» героя над обыденным, он возвращается к действительности: «Я посмотрел ему вслед... Так я выразил благодарность. Мне повезло с этим человеком. Больше получаса я прожил интенсивно и интересно. Через секунду после того, как он скрылся из вида, я понял, что забыл свои перчатки у него в машине» [5, с. 49]. В данном событии писатель показывает читателю некоторую точку гармонии: человек обретает баланс внешнего и внутреннего в беседе со случайным незнакомцем и своей рефлексии в осмыслении эмоциональных проявлений человека к человеку. Данное равновесие не может быть постоянным состоянием и непременно разрушается повседневностью, возвращая героя в плоскость бытовых событий: забытые перчатки стирают эмоциональные переживания героя и переключают его в сферу ежедневных забот и занятий. Похожие эпизоды повторяются неоднократно не только в этом романе, но и других прозаических текстах автора, что позволяет определить модель писательского мировоззрения: поиск состояния гармонии и невозможность удержаться в нем формируют экзистенциальную природу повседневности человека.

В исследовании данного вопроса интерес вызывает осмысление и саморефлексия самого Е. Гришкова, выраженная в творческом эксперименте автора. Анализируя события своей обыденной жизни, писатель регулярно публиковал записи на открытых информационных ресурсах (блог «Живой журнал», личный сайт). Этот материал после дополнительной выборки и писательской правки стал основой для издания бытовых заметок как периодиче-

ских сборников, обобщенных в один цикл: «Год жизни», «Продолжение жизни», «151 эпизод жизни», «От жизни к жизни».

Жанр документальной прозы имеет глубокие традиции в русской литературе. Писатель осмысляет свое существование и выражает процесс саморефлексии в различных формах: дневниковые записи, письма, публицистика как реакция на происходящие события и осмысление иных вопросов представляют собой уникальные свидетельства их жизни и творчества. Согласно исследованию Л. Я. Гинзбург выдающиеся авторы XIX века активно использовали различные проявления документальных жанров в своем творчестве. Это способствовало тому, что «реализм затушевывал границу между организованным повествованием и «человеческим документом», тем самым выразив еще одну закономерность вечного взаимодействия искусства и действительности. Сблизились две модели личности: условно говоря, натуральная (документальная) и искусственная, то есть свободно создаваемая художником» [3, с. 27]. Таким образом, близость документальной литературы к обыденной повседневности позволяет писателю сформировать для читателя устойчивое ощущение наиболее точного отображения действительности и, находясь вне традиционного ряда художественных жанров, создать условия для неожиданного творческого откровения.

Произведение Е. Гришкова «Почти рукописная жизнь» стало ключевым в цикле автобиографических произведений, поскольку оно максимально приближено к обыденной жизни писателя и основано на «культуре повседневности»: текст по структуре и формату является именно дневниковыми записями (в отличие от прежних публикаций блога публицистического характера). Произведение составлено из «бытовых заметок», основными темами которых являются семья (особенно дочь), работа, погодные условия и саморефлексия на основе воспоминаний о событиях прошлой жизни. Записи, посвященные социальным событиям или отвлеченным размышлениям, составляют менее 1/3 объема произведения. «Иногда лишь самая тонкая грань отделяет автобиографию от автобиографической повести или романа» [3, с. 118], и писатель умело использует различные факты своей биографии, неслучайным образом располагая их в публикации избранных дневниковых записей, что позволяет ярко и образно выразить художественный замысел всего текста.

Семья – основа, закреплённая в сознании большинства людей и связанная с рядом об-

щих для всех переживаний (беспокойство за родных, радость встречи с близкими, быт и пр.). Для автора книги эти аспекты также сохраняются без особых изменений. Но в произведении «Почти повседневная жизнь» можно проследить явную особенность категорий обыденного и повседневного в отношении Е. Гришкова как писателя и актера. Повседневность воспринимается как норма существующей реальности, но обыденное не является тождественным самой реальности, нечто становится повседневностью в зависимости от условий окружения человека, поэтому быт одного человека не является обыденным для других. Это можно проследить в отношении описания работы драматурга и актера. Как повседневное событие автор описывает частые смены городов и перелеты. «Вчера прибыл в Москву, а сегодня лечу в Нижний... Город Киров (хотя мне гораздо больше нравится Вятка)... Я привык летать и люблю самолеты...» [4, с. 43] – подобные записи встречаются на протяжении всего текста, однако у подавляющего большинства читателей подобное «будничное» описание вызывает неподдельный интерес как что-то недоступное и увлекательное. То же касается и частых заметок о рабочем процессе: Е. Гришковец описывает будни актера и режиссера, ежедневный труд и заботы писателя, совершенно не свойственные многим другим в их повседневности: «Сегодня вечером исполню последний в этом сезоне спектакль... Двенадцать лет я на профессиональной сцене... Пришлось потратить на это драгоценное зимнее время, которое обычно уходило на написание новых литературных текстов...» [4, с. 64].

Еще заметнее это прослеживается в «арктическом дневнике». Мы отмечаем, как то, что было исключительным для самого писателя в начале путешествия через ограниченное количество времени становится бытовым. В начале повествования Е. Гришковец подчеркивает разницу в ощущениях, ведь для него выход в экспедицию новое и торжественное событие, в отличие от моряков: «В том, как они называли «Сергия Радонежского» [корабль] Сергеем, тоже было что-то повседневное, привычное для тех, кто выводил корабль с нами на борту в знакомые воды. А мы, те, кто выходил ... впервые, старались почувствовать и наполнить впечатлениями сам этот момент...» [4, с. 70]. Уже через семь дней отношение автора меняется и то, что ранее было исключительным переходит в разряд обыденного и формирующего повседневность: «Мы идем и идем... На берегу нас ждали уже привычные глазу в на-

шей родной Арктике руины и следы человеческой деятельности» [4, с. 74]. Это доказывает, что обыденное и повседневное определяется в первую очередь самим человеком, его средой, и часто имеет определяющее значение для формирования личности и ее экзистенциального осознания. «То, чем окружен человек и с чем сталкивается в своей повседневности, имеет большое, а иногда и решающее значение, потому что создает настрой, атмосферу, фон, который воздействует на чувства и жизнедеятельность. Быт является для других продолжением или зеркалом нас самих» [15]. Е. Гришковец в книге «Почти рукописная жизнь» (также как и в других произведениях) описывает собственную повседневность и создает художественную реальность, в которой обыденное становится не только значимым и весомым, но и является основой бытового счастья и даже источником вдохновения.

Формируя модели повседневности в художественном и документальном жанрах, автор использует единообразные стилевые приемы, основывая свою концепцию изображения быта в мелочах, которые занимают значительную часть повествования. Писатель не использует сложные сюжетные линии, чтобы раскрыть своего героя и события его жизни, сосредотачивая внимание на описании простых, но неслучайных эпизодах. Категория повседневности выражается в экзистенциальном понимании быта, который формируется событиями извне и са-

мим героем изнутри. При этом для достижения этого единого мироощущения автор использует в художественном тексте вымышленные образы и символы, а в документальном произведении, не имея возможности их создать, опирается на избранные описания жизненных событий, выстраивая их в повествовании для появления художественного общения и необходимого образа. Фактический материал в документальном произведении становится эстетическим символом, приближая реальную повседневность писателя к художественной, которую он самостоятельно создает для своих героев. И не смотря на использование разных типов создания художественной символики, и в документальных текстах, и в художественных произведениях Е. Гришковец создает общее представление категории повседневности в экзистенциальном осмыслении: единовременное формирование обыденного в каждом шаге героя, и постижение повседневности в каждой мелочи, которая является выражением единственно возможной жизни.

В соответствии с собственным мироощущением писатель раскрывает экзистенцию человека, используя повседневность как основной способ быть. Ценность произведений этого автора заключается в яркой демонстрации читателям того, что мы сами формируем для себя критерии обыденности, также как можем найти сущность своего бытия в постоянном осмыслении событий каждого дня и перемен в нем.

Литература

1. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. с фр. – Таллин: Ээсти раамат, 1983. 184 с.
2. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. М.: Прогресс, 1991. 480 с.
3. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М.: Intrada, 1999. 413 с.
4. Гришковец Е. В. Почти рукописная жизнь. М.: Махаон, 2013. 512 с.
5. Гришковец Е. В. Рубашка. М.: Махаон, 2013. 288 с.
6. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Агентство «Сагуна», 1994. 358 с.
7. Интервью: Евгений Гришковец в программе «Познер» // Познер Online. URL: <http://pozneronline.ru/2009/12/5477/> (Дата обращения: 01.03.2017).
8. Касавин И. Т. Язык повседневности между логикой и феноменологией // Вопросы философии. 2003. №9. С. 14–29.
9. Козырьков В. П. Образцы повседневности и проблема их целостности // Наука и повседневность: Основания науки в цифровом обществе. Материалы 4-й межвузовской конференции. Вып. 4. Н.-Новгород: ННГУ, 2002. С. 5–30.
10. Куляпин А. И., Скубач О. А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи: монография / отв. ред. И. В. Силантьев. М.: Языки славянской культуры, 2013. 240 с.
11. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: СПбГУКИ, 2002. 320 с.
12. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. 354 с.
13. Марков Б. В. Культура повседневности: учебное пособие. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
14. Орлов И. Б. Советская повседневность. Исторический и социологический аспекты становления: монография. М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2010. 328 с.
15. Ротенберг Н. В. Дихотомичность структур культуры повседневности // Электронное научное издание «Аналитика культурологии». URL: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/839-8-3.html> (Дата обращения: 05.03.2017).
16. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.

References

1. Blok M. Apologiia istorii, ili Remeslo istorika (*Apology of history, Craft of the historian*). Tallin: Eesti raamat, 1983. 184 p. (In Russian).

2. Val'denfel's B. Povsednevnost' kak plavil'nyi tigl' ratsional'nosti (*Everyday life as a melting pot of rationality*). Moscow: Progress, 1991. 480 p. (In Russian).
3. Ginzburg L. Ya. O psikhologicheskoi proze (*About psychological prose*). Moscow: Intrada, 1999. 413 p. (In Russian).
4. Grishkovets E. V. Pochti rukopisnaya zhizn' (*Almost handwritten life*). Moscow: Makhaon, 2013. 512 p. (In Russian).
5. Grishkovets E. V. Rubashka (*The Shirt*). Moscow: Makhaon, 2013. 288 p. (In Russian).
6. Gusserl' E. Filosofiya kak strogaya nauka (*Philosophy as a strict science*). Novocherkassk: Agentstvo «Saguna», 1994. 358 p. (In Russian).
7. Interv'yu: Evgenii Grishkovets v programme «Pozner» // Pozner Online. URL: <http://pozneronline.ru/2009/12/5477/> (Accessed: 01.03.2017). (In Russian).
8. Kasavin I. T. Yazyk povsednevnosti mezhdru logikoi i fenomenologii (*The language of everyday life between logic and phenomenology*) // Voprosy filosofii. 2003. No. 9. P. 14–29. (In Russian).
9. Kozyr'kov V. P. Obraztsy povsednevnosti i problema ikh tselostnosti (*The patterns of everyday life and problem of their integrity*) // Nauka i povsednevnost': Osnovaniya nauki v tsifrovom obshchestve". Materialy 4-i mezhvuzovskoi konferentsii. Issue 4. N.-Novgorod, 2002. P. 5–30. (In Russian).
10. Kulyapin A. I., Skubach O. A. Mifologiya sovetskoi povsednevnosti v literature i kul'ture stalinskoi epokhi: monografiya (*Mythology of Soviet everyday life in the literature and culture of the Stalin era: monograph*) / ed by I. V. Silant'ev. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013. 240 p. (In Russian).
11. Leleko V. D. Prostranstvo povsednevnosti v evropeiskoi kul'ture (*The space of everyday life in European culture*). St.Petersburg: SPbSUCA publ., 2002. 320 p. (In Russian).
12. Lotman Yu. M. Besedy o russkoi kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka) (*Conversations about Russian Culture: mode of life and traditions of Russian nobility (XVIII - early XIX century)*). St.Petersburg: Iskusstvo, 1994. 354 p. (In Russian).
13. Markov B. V. Kul'tura povsednevnosti: uchebnoe posobie (*Culture of everyday life*). St.Petersburg: Piter, 2008. 352 p. (In Russian).
14. Orlov I. B. Sovetskaya povsednevnost'. Istoricheskii i sotsiologicheskii aspekty stanovleniya: monografiya (*Soviet everyday life. Historical and sociological aspects of its formation: monograph*). Moscow: High economic school, 2010. 328 p. (In Russian).
15. Rotenberg N. V. Dikhotomichnost' struktur kul'tury povsednevnosti (*Dichotomy of everyday life cultural structures*) // Elektronnoe nauchnoe izdanie «Analitika kul'turologii». URL: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/839-8-3.html> (Accessed: 05.03.2017). (In Russian).
16. Khaidegger M. Bytie i vremya (*Time and existence*) / ed by V. V. Bibikhina. Khar'kov: Folio, 2003. 503 p. (In Russian).